

Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Российской империи

Отечественная война 1812 года затронула судьбы многих народов многонациональной Российской империи. Не стали исключением и российские евреи, основная масса которых проживала в западных и юго-западных губерниях, ставших театром военных действий. Как вело себя еврейское население в сложившихся обстоятельствах, каково было его отношение к обеим враждующим сторонам, какими мотивами руководствовалось оно в своих поступках - на эти вопросы пытается дать ответ автор.

По приблизительным подсчетам количество еврейского населения в Российской империи к началу XIX в. составляло 700-800 тыс. человек, что равнялось примерно трети его общемировой численности и было больше, чем в любой другой странеⁱ. Главным образом оно было сосредоточено в Литве, Белоруссии и на Украине, входивших в так называемую черту оседлости, за пределами которой свободное проживание не разрешалось. Поэтому в собственно России в то время еврей был редкостью и воспринимался как иностранец. Такое отношение объяснялось еще и тем, что евреи сравнительно недавно, в результате разделов Речи Посполитой, стали российскими подданными.

В экономической жизни западных окраин империи евреи играли заметную роль. У местных помещиков они брали на откуп или в аренду винокурение и продажу вина и водки, молочные фермы, мельницы, рыбную ловлю и т.д. Скупали у крестьян хлеб, продавая взамен необходимые товары. По всем дорогам стояли еврейские корчмы, где останавливались проезжие, евреи содержали почтовые станции, города были наполнены евреями-ремесленниками: портными, сапожниками, скорняками, цирюльниками и т.д. «Эта земля без жидов, - писал один русский путешественник, - была бы как тело без души, была бы пустынею, странною бедствий и нищеты. Но чрезвычайное жидов множество портит все добро, какое могло от них произойти»ⁱⁱ.

Еврейские общины жили обособленной, скрытой от глаз посторонних жизнью. «Евреи составляли особое государство в государстве, - отмечает другой современник, Фаддей Булгарин. - Общественные еврейские дела управлялись общинными правлениями или кагалами, которые имели между собой непрерывные сообщения, и в общем деле действовали всегда общими силами. Если надобны были деньги для общего дела, кагалы налагали подать на общины... и в самое короткое время собирался миллион рублей, или сколько было нужно. Это денежная сила невидимо держала все в своей зависимости»ⁱⁱⁱ.

Местная польская и литовская шляхта, несмотря на высокомерно-презрительное отношение к евреям, на каждом шагу прибегала к их услугам: «Жиды были общими тайными поверенными и барины, и его жены, и сыновей, и дочерей. Каждый и каждая отдельно забирали в долг у жидов и употребляли их агентами в своих делах, гражданских и частных, и в любовных интригах», - свидетельствует Ф. Булгарин^{iv}.

Определяющую роль в бытии еврейского населения играла религия. «Религиозный принцип главенствовал над всеми проявлениями жизни; общественные отношения, семейный быт, строй воспитания — все проникнуто было религиозным началом, наполнявшим собою атмосферу, которою дышало и жило тогдашнее русское еврейство. Все мирское, земное имело значение и цену постольку, поскольку оно было необходимо для главного — служения Богу, изучения и соблюдения его закона», - писал еврейский историк С. Гинзбург^v. С конца XVIII в. в еврейских общинах Литвы, Белоруссии, Польши и Украины распространяется хасидизм, идет острая идейная борьба между хасидами и их противниками, расколовшая еврейское общество.

Отношения евреев с российскими властями были отнюдь не безоблачными. Последние считали, что монополизировав производство и продажу спиртного, евреи спаивали местных крестьян, следствием чего становилось их разорение и упадок земледелия в крае. Обращала на себя внимание и вопиющая нищета, в которой прозябало большинство еврейского народа. Вознамерившись обустроить жизнь своих подданных сообразно бытовавшим в то время представлениям об общем и частном благе, император Александр I учредил в ноябре 1802 г. особый «Комитет по благоустройству евреев». Всего в период, предшествовавший нашествию Наполеона, существовало три таких комитета.

В декабре 1804 г. было утверждено «Положение об устройстве евреев», предусматривавшее запрет евреям содержать аренды, шинки, кабаки, постоянные дворы в сельской местности и переселение их в города и местечки в черте оседлости. Реализация этого плана прозила обернуться для евреев сущим бедствием, так как их вынуждали покинуть

насиженные места и занятия, дававшие средства к существованию, и переехать туда, где для них не было ни жилья, ни работы. Однако в силу ряда обстоятельств, исполнение столь грандиозного замысла было отложено. Не последнюю роль в этом сыграли обстоятельства, вызванные борьбой с Наполеоном.

Война с Францией в 1806-1807 гг. сделала западные губернии стратегически важной прифронтовой полосой. Поэтому власти посчитали за лучшее не подвергать испытанию лояльность местного еврейского населения, которая и без того представлялась им сомнительной. Положение усложнялось из-за инициативы Наполеона, создавшего в 1806 г. Ассамблею еврейских нотаблей, избранных общинами всех подконтрольных Наполеону земель. В сентябре того же года было объявлено о намерении императора созвать Великий Синадрион раввинов и духовных руководителей, чтобы решения Ассамблеи получили санкции духовной власти^{vi}. Известия о деятельности Ассамблеи и Синадриона вызвали глубокое беспокойство в России. В феврале 1807 г. Министерство внутренних дел разослало циркуляр губернаторам западных и юго-западных областей империи с приказом выяснить, нет ли каких-нибудь сношений между парижским Синадрионом и местными евреями. Губернаторам рекомендовалось распространить среди населения слухи о том, что Синадрион намеревается изменить еврейскую религию^{vii}. Опасения по поводу влияния Синадриона явно звучали и в антинаполеоновской прокламации, изданной Святейшим Синодом в декабре 1806 г.

Позиция властей получила поддержку с неожиданной стороны: духовный лидер белорусских хасидов Шнеер Залман выступил яростным противником Наполеона и всего того, что несла евреям наполеоновская Франция. Но и противники хасидов испытывали к французскому императору не меньшую враждебность. И те и другие «дружно сходились в строгом правоверии, в ортодоксальности, во враждебности к проявлению свободомыслия, в боязни всего того, что в отдаленной степени могло бы таковым угрожать. <...> Франция в глазах правоверного еврейства являлась очагом вольнодумства и безбожия, Наполеон - исчадием революции, восставший не только против земной власти, но и небесной. Доносившиеся вести о затеянных в Париже еврейских религиозных реформах, о Синадрионе лишь укрепляли этот взгляд на Францию, как на источник, откуда распространяется зараза неверия», - утверждал С. Гинзбург^{viii}.

Перипетии русско-французских отношений между 1807 и 1812 гг. не изменили отношения еврейских религиозных лидеров к Наполеону. Он оставался в их глазах воплощением кровожадной жестокости, соединенной с безграничной гордыней, и война, начавшаяся в 1812 г., была воспринята как борьба между мировыми силами зла и добра, где первую олицетворял Наполеон, а вторую - Александр I. Поэтому в письмах и воззваниях, обращенных к единоверцам, они призывали хранить верность русскому императору, оказывать всяческое содействие его войскам и молиться об успехах русского оружия^{ix}. Эти призывы сыграли решающую роль в определении позиции еврейского народа в российско-французском конфликте. По словам одного офицера Великой армии, православное духовенство и евреи питали одинаково решительную вражду к французам^x.

Другим фактором, повлиявшим на позицию еврейского населения, стало поведение солдат наполеоновской армии. По многочисленным свидетельствам участников похода в Россию, уже в самом его начале Великая армия испытывала колоссальные трудности в снабжении продовольствием и фуражом, поэтому, несмотря на жестокие меры против мародеров, командованию не удавалось удержать солдат от грабежей. Так, в Вильно все дома еврейского предместья были «разграблены и покинуты». В местечке Троки, по свидетельству французского офицера Лабома, «нас окружила толпа евреев с женами, детьми и длиннородыми старцами; все они на коленях умоляли нас избавить их от алчности солдат, которые забирались во все дома и разоряли их, похищая все, что попадалось под руку. Мы старались утешить этих несчастных, сознавая, что слова наши останутся словами. В местечке не было магазинов, а наши солдаты давно уже не получали порций и жили только грабежом жителей...». В итоге «еврейские дома... были опустошены нашими войсками»^{xi}. В Могилеве на Днепре «общего грабежа не было; одни лишь лавки евреев были взломаны и товары расхищены или разбросаны»^{xii}. Одновременно солдаты совершали поступки, которые в глазах еврейского населения являлись святотатственными. В Вильно, например, они превратили еврейское кладбище в пастбище для продовольственного скота, в местечке Жижморы устроили в синагоге конюшню и т.п.^{xiii} Больше других грабили немцы и поляки, очевидно, воспроизводя стереотипы отношения к евреям, бытовавшие у них на родине. Любопытно, что солдаты Великой армии не прекращали обирать и третировать евреев даже оказавшись на положении военнопленных^{xiv}.

Разумеется, контакты между наполеоновскими солдатами и евреями не сводились только к грабежам и насилию первых над вторыми. Мемуары участников похода отмечают готовность евреев «из алчности подвергаться притеснениям наших солдат» и содержат многочисленные примеры услуг,

которые оказали им евреи — торговцы, проводники, санитары и т.п.^{xv} Наконец, в рядах Великой армии попадались евреи - солдаты, офицеры, чиновники, маркитанты, - выказывавшие уважение к еврейским обычаям и святыням и находившие общий язык со своими российскими единоверцами^{xvi}. Однако примеры «человечных» контактов с захватчиками не меняют общей картины бедствий, которые претерпело еврейское население запада и юго-запада Российской империи в годину наполеоновского нашествия.

В этой связи показательными, на наш взгляд, являются факты жестокого обращения евреев с отступавшими французами в финальной фазе войны, зафиксированные иностранными и русскими источниками. В Вильно «горожане и особенно евреи выказали ужасную жестокость по отношению к больным. Без разбора они отнимали у них последнее и выбрасывали часто совсем раздетыми на мороз», - свидетельствует вюртембергский офицер^{xvii}. «Евреи выгоняли из домов всех искавших прибежища и выбрасывали их на улицу, где они умирали», - подтверждает русский генерал А.Ф. Ланжерон^{xviii}. Эти жестокие поступки, в общем не характерные для поведения евреев на протяжении войны, весьма красноречиво иллюстрируют их истинное отношение к «двунадесяти языкам».

Российские власти перед войной по-прежнему испытывали сомнения в лояльности евреев. В начале 1812г. правительство предписало установить особое наблюдение за жителями западных губерний, и минский губернатор сообщал, что подозрительными являются все евреи^{xix}. Их подозревали в шпионаже в пользу французов, и среди лиц, отправленных в 1811 -1815 гг. по такому обвинению в ссылку, фигурировали несколько еврейских купцов. М.И. Кутузов, став главнокомандующим, приказал выслать всех евреев из Москвы в Нижний Новгород^{xx}.

Поведение евреев с первых же дней нашествия развеяло имевшиеся опасения и заставило переменить мнение о них. «Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и привязанностью, которые выказывали нам евреи, заслуживавшие тем большей похвалы, что они должны были опасаться мщения французов и населения. Но они... горячо желали успеха нашему оружию и помогали нам, рискуя своей жизнью и даже своим состоянием», рассказывал, основываясь на личном впечатлении, А.Х. Бенкендорф^{xxi}. «Евреи любят русских. Они были нам очень полезны...», констатировал генерал А.Ф. Ланжерон^{xxii}. «Все вообще евреи, сообщал знаменитый партизан Денис Давыдов, были к нам столь преданы, что при всей алчности к наживе и корыстолюбию они во все время отказывались от лазутчества противу нас и всегда и всюду давали нам неоднократные и важнейшие известия о неприятеле»^{xxiii}. Один еврей в г. Копыс рассказывал русскому офицеру И. Родожицкому, что французы «иных евреев посылали в нашу армию шпионами, и давали им золото. «Але, никто не хотел брать их поганых грошей, - говорил жид сморщившись. - У нас были такие же, ходили к москалям в армию до генералов, и даром сказывали им, что у французов деется...»^{xxiv} Начальник разведки Великой армии генерал М. Сокольниковский не доверял евреям и избегал использовать их в качестве шпионов^{xxv}. Русское командование, напротив, широко пользовалось услугами евреев-лазутчиков и даже специально инструктировало командиров частей и соединений по этому вопросу, например А.Н. Сеславина: «Не связывая вас подробными наставлениями, я ограничиваюсь вам сказать, что, проходя уже Белорусскую губернию, в жидях найдете большею частью людей к нам приверженных, обратите на сие внимание и если встретите особливо усердных, то препроводите их ко мне для разведывания о неприятеле»^{xxvi}.

Значительные услуги русской армии оказала так называемая «еврейская почта» - особый вид сообщений, обеспечивавший потребности еврейских торговцев и банкиров в быстрой пересылке необходимых сведений из города в город. «Эта специфическая почта имела свои особые тракты... часто для выигрыша расстояния, пролежавшие по глухим местностям. Роль почтовых станций играли... еврейские корчмы, содержатели которых немедленно по получении писем передавали таковые далее через особых нарочных, к услугам которых здесь всегда были лошади. Эта почта... работала довольно исправно и быстро; во всяком случае, она значительно опережала тогдашних курьеров и фельдъегерей»^{xxvii}. Согласно преданию, о переправе Наполеона через Неман и начале войны, находившийся в Вильно Александр I, сначала узнал с помощью «еврейской почты», опередившей курьера с сообщением^{xxviii}.

Благодаря сведениям, полученным от евреев, удавалось нанести французам чувствительные удары. С.Г. Волконский приводит в записках несколько эпизодов, имевших место в окрестностях Орши: «Ко мне явился жидок и извещает, что на панском дворе, верстах в трех или четырех, ночует французский генерал, с незначительной при нем свитой и не охраняемый отрядом. Был захвачен генерал Корсей, два его адъютанта и 4 конвойных спящими». В другой раз, от евреев поступило сообщение, что в одной деревне французы беспечно расположились по домам. Казаки, подкравшись ночью, без выстрела перевязали французов по хатам, взяв сотни пленных^{xxix}.

Порой евреи отваживались на поступки более решительные, чем просто сообщение или передача

сведений. С.Г. Волконский вспоминал, что в начале войны на пути к Витебску, неподалеку от Бабиновичей, «внезапно явилось к Винцингероде несколько евреев и привезли ими захваченного французского кабинет-курьера, ехавшего из Парижа к Наполеону. Этот курьер с депешами, при нем находящимися, отправлен был в Петербург. <...> Большая смелость для трусливых евреев, несмотря на неопределенность еще событий, решиться на опасный подвиг - схватить курьера и представить его в русский отряд; это было дело смелое и заслуживающее быть упомянутым...»^{xxx}.

При освобождении Витебска 7 ноября 1812 г., в ходе арьергардного боя, отступавшие французы подожгли мост через р. Западная Двина. В разгар перестрелки, по свидетельству французов, евреи, «жившие на правом берегу, вышли потушить огонь, и неприятель с помощью этих каналов, которые действовали с рвением, когда дело касалось причинения вреда французам, восстановили мост, который вновь стал проезжим...». Русские источники подтверждают участие «усердных евреев» в тушении моста^{xxx1}. Однако подобные факты активной помощи русским войскам были скорее исключением, чем правилом.

За содействие, оказанное русской армии, некоторые из евреев заплатили жизнью. «Мы поймали русского разведчика, еврея, который спустя несколько часов и был расстрелян. На меня выпало отдавать распоряжение при его казни, он в смертельном ужасе так метался и корчился, что мои люди должны были крепко привязать его к дереву, чтобы быть в состоянии в него целиться из своих карабинов. Сколько тысяч людей мне ни приходилось наблюдать, умиравших при всевозможной обстановке, я еще не видел человека, который бы так цеплялся за жизнь, как этот старый еврей», - вспоминал один офицер Великой армии^{xxx2}. Известна трагическая судьба трех борисовских евреев, попавшихся на уловку Наполеона и сообщивших адмиралу П.В. Чичагову ложные сведения о месте переправы французов через Березину. Разгневанный адмирал велел их повесить, как вражеских шпионов^{xxx3}.

Определенные услуги оказали еврейские подрядчики, поставщики и торговцы в снабжении русской армии. Наиболее известен коммерции советник Абрам Перетц - опкупщик и подрядчик по строительству кораблей. Во время войны Перетц вложил деньги в организацию снабжения армии провиантом. После ее окончания казна задолжала ему около 4 млн руб., которые он никак не мог получить, и в итоге разорился^{xxx4}.

На заключительном этапе войны в опустошенных местечках Белоруссии и Литвы евреи часто оказывались единственными оставшимися жителями, и только у них русские солдаты и офицеры могли приобрести необходимые припасы. В г. Копыс, пишет И. Родожицкий, «после пятимесячной ретирады и преследования, увидели мы, хотя в разоренном, но не выжженном местечке жителей - жидов. Несмотря на отвратительные фигуры этих обманщиков, мы довольно обрадовались найдя живые существа человеческие... а как они в самой скудости чем-нибудь да питались, то и мы, кроме сухарей, могли достать у них за деньги кой каких припасов»^{xxx5}. «Предвижу, что можно воспользоваться хорошим расположением евреев здешнего местечка и снабжения провиантом не только здесь, но даже и по дороге несколько приготовить», - доносил из Шклова генерал И.А. Саблуков. «Евреи открывали для нас все то, что спрятали», - вспоминал А.Ф. Ланжерон^{xxx6}.

Проявляя изворотливость и ловкачество, евреи ухищались извлекать для себя выгоду даже из суровых военных обстоятельств. Пользуясь тем, что французские солдаты не знали стоимости русских ассигнаций, евреи обманывали их при торговых сделках или размене денег. Врач юртембергского конно-егерского полка Г. Роос приводит в мемуарах следующий характерный эпизод, имевший место в Борисове: «Какой-то немецкий гренадер, который так же мало знаком был с русскими ассигнациями, как и мы, держал в руках бумажник, туго набитый ими... и предлагал его еврею за четыре бутылки водки и четыре хлеба. При такой выгодной сделке еврей остался настолько хладнокровным, что совершенно равнодушно сказал: "Я дам только три бутылки водки и три хлеба". Солдат согласился, и когда пришлось отдавать покупку, еврей заявил, что бутылки в счет не входят, однако уступил, когда солдат сказал: «Без бутылок мне твоя водка не нужна». Когда я впоследствии узнал цену русских бумажных денег, я убедился, что еврей получил за свой товар 3-4 тысячи рублей»^{xxx7}.

Жертвами обмана оказывались и воины русской армии. Об этом поведал в своих записках А.Ф. Ланжерон. Евреи, отмечал он, «были нам очень полезны, но и себя не забывали. Много их последовало за нашей армией, и скупало у казаков огромную добычу... Евреи расплачивались фальшивыми русскими ассигнациями, которые Наполеон... отпечатал и распустил по Польше. Благодаря этой ловкой индустрии, евреи имели все, казаки — ничего»^{xxx8}.

Но никакие ухищрения не могли изменить общего итога войны для российских евреев - повсеместного разорения и сокращения численности. Последнее обстоятельство было вызвано эпидемиями, виновниками распространения которых были, как свидетельствует французский

источник, они сами: «Евреи, которые не могут жить без мелкого торгашества, покупали одежду умерших в госпитале от горячки людей, забирали домой и там мыли, чтобы потом извлечь из нее пользу. Таким образом они заражались, вымирали целые семьи, целые дома...»^{xl} В результате еврейское население Витебска сократилось на треть, жестоко пострадали общины Вильно, Борисова, Минска. Официальная статистика не выделяла ущерба, понесенного еврейским населением из общей суммы, но по косвенным данным можно утверждать, что он составил многие миллионы рублей^{xli}.

Русские власти не оставили без внимания многочисленных фактов преданности, проявленных евреям во время нашествия Наполеона. В июне 1814 г. император Александр I, находившийся в это время в Брюсселе, принял еврейскую делегацию. «Его Величество соизволил выразить еврейским кагалам свое милостивейшее расположение и повелеть, чтобы та же депутация или подобная отправилась в С.-Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их всеподданнейших желаний и просьб касательно современного улучшения их положения»^{xlii}. Над улучшением положения евреев продолжали трудиться третий (упраздненный в 1818 г.) и четвертый (учрежденный в 1823 г.) Еврейские комитеты, но вплоть до конца царствования Александра I их деятельность так и не увенчалась каким-либо плодотворным результатом. Таким образом, монаршая милость осталась лишь обещанием.

Не забыли о поведении евреев и поляки, чьи надежды на восстановление независимой Польши рухнули с поражением Наполеона. Их неприязнь к евреям, помогавшим русской армии, стала приобретать черты явной враждебности. Газеты и журналы в изобилии печатали антисемитские статьи и взваливали на евреев всю вину за гибель Речи Посполитой^{xliii}. На этой почве в западных губерниях возникают одно за другим дела по обвинению евреев в ритуальных убийствах.

Подводя итог участию евреев в событиях войны 1812 года, следует отметить, что большинству их оказались одинаково чужды как наполеономания поляков, так и идея народной войны с захватчиками. Покорные воле своих религиозных лидеров, российские евреи отвергли союз с незваными гостями из Европы; вместе с тем у них отсутствовала убедительная мотивация для активного массового участия в сопротивлении нашествию. Оказавшись между двух огней, евреи вынуждены были приноравливаться выживать в суровых условиях войны и, в конце концов, мириться с неизбежными человеческими и материальными жертвами.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Кандель Ф.* Очерки времен и событий: Из истории рос. евреев. Ч. 2:1772-1882 годы. Иерусалим, 1990. С. 12.

ⁱⁱ Там же. С. 24.

ⁱⁱⁱ *Булгарт Ф.* Воспоминания. М., 2001. С. 284.

^{iv} Там же. С. 727,728.

^v *Гинзбург С.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912. С. 51.

^{vi} *Wieder B.* Napoleon and the Jews // *Napoleonic Scholarship*. 1998. Vol. 1. № 2. Dec. P. 42,43.

^{vii} *Клиер Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России, 1772-1825. М., 2000. С. 247,248.

^{viii} *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 52.

^{ix} Там же. С. 59-61; *Клиер Д.* Указ. соч. С. 270.

^x *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 127.

^{xi} Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2 кн. М, 2004. Кн. 1. С. 57.

^{xii} Французы в Могилеве на Днепре, 1812 (Рассказ очевидца) // Рус. старина. 1873. Авг. С.236.

^{xiii} *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 106.

^{xiv} *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 81.

^{xv} Наполеон в России... Кн. 1. С. 62,67,128; Кн. 2. С. 147,164,400-403

^{xvi} *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 78,79.

^{xvii} Наполеон в России... Кн. 1. С. 484.

^{xviii} Из записок графа Ланжерона 1812 год // Рус. архив. 1895. № 10. С. 160.

^{xix} *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 73.

-
- ^{xx} *Филлюшкин А.* От худости сердца: Измена в Отечественную войну 1812 года//Родина. 2000. № 8. С. 45,48.
- ^{xxi} Записки Бенкендорфа: 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 47.
- ^{xxii} Из записок графа Ланжерона... С. 156.
- ^{xxiii} *Давыдов Д.* Военные записки. М., 1982.С.241.
- ^{xxiv} Походные записки артиллериста 1812г.: Война в России: Артиллерии полковника И.Р. Киев, 1912. С. 120
- ^{xxv} *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 84.
- ^{xxvi} Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Отд. I. Т. XIX. С. 161.
- ^{xxvii} *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 79.
- ^{xxviii} *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 75.
- ^{xxix} России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 115-117.
- ^{xxx} Там же. С. 91.
- ^{xxxi} *Попов А.И.* Освобождение Витебска 7 ноября 1812г. //Воин. 2003. № 12. С. 51, 52,55.
- ^{xxxii} *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 73.
- ^{xxxiii} *Военский К.А.* Наполеон и борисовские евреи в 1812 г. // Воен. сборник. 1906. №9.
- ^{xxxiv} *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 31.
- ^{xxxv} Походные записки артиллериста. С. 120.
- ^{xxxvi} Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Отд. I. Т. XX. С. 80.
- ^{xxxvii} Из записок графа Ланжерона... С. 156.
- ^{xxxviii} Наполеон в России... Кн. 2. С. 173,174.
- ^{xxxix} Из записок графа Ланжерона... С. 156.
- ^{xl} Наполеон в России... Кн. 2. С. 488.
- ^{xli} *Гинзбург С.* Указ. соч. С. 106.
- ^{xlii} Цит. по: *Клиер Д.* Указ. соч. С. 272.
- ^{xliii} *Кандель Ф.* Указ. соч. С. 91.